

A.I. Pireev
Peasant Community
in the Context of Stolypin
Agrarian Reform

The article examines the impact of Stolypin agrarian reform on the behavior of the peasant community. Natural, geographical, psychological, and financial factors that contributed to the sustainability of the community are analyzed.

Key words and word-combinations: peasant community, P.A. Stolypin, the Peasant Bank, shortage of arable land, rural overpopulation.

Рассматривается влияние Столыпинской аграрной реформы на поведение крестьянской общины. Анализируются факторы природно-географического, морально-психологического, финансового характера, способствовавшие устойчивости общины.

Ключевые слова и словосочетания: крестьянская община, П.А. Столыпин, Крестьянский банк, малоземелье, аграрное перенаселение.

УДК 94(47)“17/1917”
ББК 63.3(2)5

А.И. Пиреев

КРЕСТЬЯНСКАЯ ОБЩИНА В КОНТЕКСТЕ СТОЛЫПИНСКОЙ АГРАРНОЙ РЕФОРМЫ

Исследователи, занимающиеся изучением аграрных отношений в России начала XX в., выводят объективную необходимость ликвидации крестьянской общины и замены слоем крестьян-собственников из ее неспособности вписаться в рыночную реальность в силу экономической неэффективности, слабой рыночной мотивации. Дополняется данная аргументация ссылкой на внутриобщинные процессы: расслоение в среде общинников, уменьшение роли общины как гаранта социальной защищенности, конфликт поколений и т.д. Вместе с тем исследователи единодушно утверждают, что община в ходе реформ выстояла. Широко известны общие данные результатов реформы: к 1916 г. в Европейской России из общины вышло 26,9%, или 2478 тыс., домохозяев из 9,2 млн общинников; на хутора и отруба перешло всего около 10% всех хозяйств.

Не вдаваясь в анализ итогов реформ в солагательном наклонении (что было бы, не будь войны), остановимся на вопросе о причинах устойчивости крестьянской общины в условиях Столыпинской аграрной реформы. Вопрос представляет определенный интерес, тем более что потенциал реформ оценивался и П.А. Столыпиным, и определенной частью исследователей как весьма обнадеживающий. Сам реформатор, начиная преобразования, надеялся на интенсивный и массовый выход крестьян из общины. Это просматривается в его облегченном объяснении приверженности крестьян общине. Еще в 1905 г. в отчете

царю он объяснил привязанность крестьянства миру не тем, что «оно его любит: оно просто другого порядка не понимает и не считает возможным», а также подавлением активных элементов деревни «испорченной молодежью» [1, л. 27]. Обеспечив гарантированные условия выхода и показав притягательную перспективу, правительство, полагал Столыпин, добилось бы перелома в жизни деревни. По его расчетам, из общины должно было выйти от 77 до 88% крестьян [2, с. 248]. Изучив крестьянские анкеты Вольного экономического общества, знаток аграрной истории, современник реформ И.В. Чернышев сделал вывод о том, что Указ 9 ноября 1906 г. оказался выгодным значительной части крестьянства, которое сотнями тысяч потянулось из общины тотчас же после его опубликования [3, с. 12]. Современный исследователь Б.Н. Миронов положительный потенциал реформы определяет масштабом недовольства крестьян общинными порядками. Он говорит о 56% крестьян, недовольных в той или иной степени общинным строем жизни [4, с. 482].

Несмотря на обнадеживающие перспективы, реформа, разогнавшись в 1907–1909 гг., с 1909 г. начала неуклонно сбавлять темпы. В 1910 г. вышло из общины 342,2 тыс. домохозяев, в 1912 – 122,3 тыс., в 1914 – 97 тыс., а в 1915 – 29,9 тыс.

Основополагающим фактором, сдерживающим процесс приватизации, стал довольно низкий в целом уровень социально-экономического [5, с. 500]. и культурного развития деревни, слабость внутриобщинной дифференциации. В 1910 г. из орудий вспашки более $\frac{2}{3}$ составляли деревянные сохи, косули, плуги, имевшие лишь железный наконечник, из орудий рыхления – деревянные бороны составляли 97% [5, с. 500]. По оценке министра внутренних дел В.К. Плеве, относящейся к периоду работы редакционной комиссии по пересмотру законодательства о крестьянах, община соответствовала общему культурному уровню развития основной массы крестьянства [6, с. 12]. Современные исследователи пишут о социальном качестве населения как объективной причине неудачи столыпинских преобразований и устойчивости общины.

Связь между общекультурным уровнем развития деревни и положительной динамикой выходов из общины прослеживается явно, если брать результаты реформ по регионам. Масштабы и темпы выхода крестьян в данном случае определялись уровнем развития капиталистических отношений в городе и деревне [7, с. 60]. Наибольшее количество крестьян (бедных и зажиточных) вышло в Таврической (63,6%), Екатеринославской (54,1%), Самарской (49,4%), Киевской (48,6%), Курской (43,8%) губерниях – там, где капиталистические отношения в крестьянских хозяйствах были более развиты, чем в других регионах Европейской России.

Немалое значение в деле продвижения реформы Столыпин придавал, помимо мер административного, полицейского давления, и роли примера. В циркуляре от 14 июня 1908 г., настаивая на обязательных выделах крестьян, кроме согласия общины и не дожидаясь очередного передела, он рассматривал выделенные хозяйства в качестве примера для оставшихся в общине, которые «по недостаточному знакомству со способами ведения хозяйства... еще не решаются требовать выдела своих участков» [8, с. 203].

Между тем именно реальные условия проведения реформы и облик значительной части новых собственников, трудности их существования не стали ускорителями преобразований. Чем дальше продвигалась реформа, тем менее привлекательной представлялась она для крестьянства. Более того, множились факторы, обеспечившие устойчивость общины.

Поставив целью преобразований формирование широкого слоя собственников как фундаментального условия преодоления социально-экономического и политического кризиса, власть оказалась не в состоянии изыскать достаточные финансовые средства. Недостаток финансирования реформы, порядок субсидирования Крестьянским банком не только затрудняли, но нередко и перекрывали крестьянину путь к самостоятельному ведению хозяйства. Политика разрушения общины и насаждения хуторов и отрубов требовала приблизительно от 250 до 500 руб. на каждого выходящего из общины, в то время как субсидии не превышали 165 руб., и это тогда (1907–1914 гг.), когда цена десятины земли постоянно росла: со 104 руб. в 1904 г. до 136 руб. в 1914 г. Денежных средств не хватало даже для частичного покрытия расходов по реформе на переселение и для широкомасштабного землеустройства [5, с. 499; 9, с. 118].

Проводившаяся Крестьянским банком политика субсидирования крестьянства под залог наделных земель вела к их фактическому закабалению. Крестьяне в течение восьми лет выплатили банку за оказавшиеся в залоге земли (12 млн дес.) немалую сумму – 578 млн руб., включая 13 млн руб. пени за просрочку платежей. Кроме того, по просрочкам платежей банк отобрал у неаккуратных плательщиков 540 тыс. дес. земли, т.е. разорил 54 тыс. своих «фермеров». Банковская задолженность тяжелым бременем ложилась на крестьянские хозяйства, затрудняя земледелие. Как показало обследование 1913 г. в 12 уездах, ссуды получили лишь 16% хозяйств, а средняя сумма их составила 109 руб. Таким образом, большинство образованных Столыпиным единоличных хозяйств были обречены, государство предоставило их самим себе [5, с. 499; 9, с. 119].

Не затронутое реформой крупное помещичье землевладение сохранило весь комплекс полукрепостнических, кабальных форм эксплуатации крестьян (отработки, исполщину, зимний наем, высокую арендную плату), распространяя их как на общинников, так и на новоиспеченных собственников. Одновременно сохранялось и крестьянское малоземелье, препятствовавшее созданию полноценных хозяйств. Малоземельные и средние хозяйства видели в общине единственное спасение от разорения и нищеты. Проблема малоземелья усугублялась несогласованностью аграрной реформы с интенсивной промышленной политикой, вследствие чего аграрное перенаселение не только не уменьшилось в годы реформ, но и выросло. Не обеспечивая в достаточной степени село машинами и удобрениями, промышленность в то же время не смогла вобрать из деревни излишнюю рабочую силу. Избыток ее, составлявший в 1901 г. 23 млн человек, к 1914 г. вырос до 32 млн [4, с. 412]. Это усиливало проблему малоземелья и, как следствие, способствовало сохранению общины как института социальной защиты.

Подавляющая часть хуторян и отрубников также страдали от малоземелья,

тем самым существенно снижалась привлекательность внеобщинного землеустройства. Земельный минимум составлял от 8 до 15 дес. У хуторян и отрубников имелось 9,8 дес., то есть чуть более потребительской нормы. Но около половины участковых хозяйств располагали восемью десятинами, то есть меньше потребительской нормы [5, с. 498]. Из хуторских хозяйств только 60% были зажиточными, остальные слабыми и нежизнеспособными. К тому же у новых владельцев возникали проблемы с содержанием скота, что приводило к сокращению поголовья.

На пути реализации идей землеустройства (хутора и отруба) серьезным препятствием стал природно-географический фактор. Широкие массивы супесчаных или суглинистых почв, нередко перемежавшиеся солонцеватыми или подзолистыми почвами, давали урожай только в годы с обильными осадками. Имея полосы в разных частях надела, крестьяне-общинники обеспечивали себе ежегодный средний урожай: в засушливый год выручали полосы в низинах, в дождливый – на взгорках. Получив же при выделе надел в один отруб, крестьянин попадал во власть стихии. Первый неурожайный год – и он разорялся. Эти обстоятельства практически сводили на нет усилия землеустроительных комиссий, поскольку в данных условиях чересполосное землепользование в предельной общине являлось более надежным способом выживания в неурожайный год. Этим и объясняется низкий процент хуторян. В то же время неравноценность почвы подталкивала крестьян к переделам. Таким образом, прослеживается зависимость между качеством земли и практикой переделов земли, обеспечивавших прочность общины [10, с. 1029]. Не случайно с 1912 г. земельные переделы вновь пошли по восходящей. Хутора привились только в северо-западных губерниях, где не существовало прочных общинных традиций (здесь отсутствовала передельная община), а также отчасти в Псковской и Смоленской. Ландшафт этих мест способствовал расселению по хуторам. На Северном Кавказе, в Степном Заволжье, Северном Причерноморье хуторскому хозяйству мешали трудности с водой.

Социально-психологическое напряжение, возникавшее между основной массой общинников и выделенцев, не могло не сдерживать от укрепления земли в собственность собиравшихся порвать с общиной, но опасавшихся нажить в ее лице врага. Вокруг вышедших создавалась враждебная среда: их изгоняли со сходов, отказывали в праве участвовать в покупках и аренде земли обществом, выделяли худшие земли, чинилась физическая расправа, порча скота, поджоги построек, избиения хуторян и т.д. А поощрение правительством выходов из общины в любое время, не дожидаясь очередного передела, напряжение лишь усиливало. Постоянные переделы и новые землеустройства, связанные с закреплением и выделением крестьянских наделов, создавали атмосферу неустойчивости и всеобщей истерии. В этих условиях административное давление на общину с целью форсирования естественных процессов разложения общины способствовало ее консолидации.

Политика укрепления земли в собственность натолкнулась на морально-психологическое сопротивление крестьян введению частной собственности до-

мохозяина на землю, что являлось исходным моментом аграрной реформы. В глазах крестьян эта мера означала либо быстрое измелъчание земельных наделов, либо нарушение равенства в семье («огораживание» внутри крестьянского двора) [11, с. 29]. Идея равенства, составлявшая основу крестьянского менталитета, оказывала определяющее влияние и на хозяйственное поведение крестьян. Хозяйства охотно жертвовали потенциальным повышением производительности на укрепленных участках ради уравнительного распределения земель [10, с. 1029]. Реформа не соответствовала «базовым инстинктам», менталитету народа. В итоге достижение поставленной цели становилось маловероятным.

Реформа дала и противоположный ожидаемому правительством результат. Освободившись от зажиточной части общинников и пауперизированных слоев, община стабилизировалась. Создавались условия для оживления традиций сплоченности крестьян в защите своего общинного строя. Открытое обсуждение преимуществ и недостатков реформаторской практики способствовало активному выяснению не только отрицательных, но и положительных сторон общинной жизни по сравнению с нововведениями. Община предстала не как фискальный орган, а как демократическая организация местного управления, товарищеская и соседская община, дававшая крестьянам чувство социальной защищенности. Обсуждение на сходах приговоров о выходе из общины привело к оживлению ее деятельности. Она стала решать большой круг вопросов, чем до революции 1905–1907 гг. Все это стало ответом общины на усилившуюся угрозу традиционному образу жизни. Старые идеалы обрели волю к жизни. Община вступила на путь приспособления к новым условиям: усовершенствование орудий и машин, рациональные способы обработки земли (многопольный севооборот).

Предложенный правительством вариант аграрных преобразований породил ограничители, сужавшие потенциал реформы и приближавшие ее пределы. Крестьянство, которое, кстати сказать, не считало общину идеальным и единственным для себя способом существования, могло пуститься в «самостоятельное плавание» только тогда, когда решена главная проблема – выживание. Для этого необходим избыток прибавочного продукта и накопленный «запас прочности». Не случайно из общины вышли категории крестьян, которые настолько тяготились общинными порядками, что сама возможность выхода из нее была для них важнее условий выхода. Это крестьяне, которые либо решили порвать связи с деревней вообще, продав свои участки земли (таких было 52,5% от числа укрепившихся) [7, с. 60], либо весьма состоятельные, имевшие ресурс отказаться от общины как компенсатора недостаточности общих условий хозяйствования. Однако в ходе реформы проблема выживания обеспечивалась в русских условиях в значительной степени за счет института, который, по условиям аграрной реформы, шел под снос, – то есть общины. Не показав безусловных преимуществ, реформа сулила лишь смутные перспективы, что удерживало значительную часть крестьян в лоне общины.

Библиографический список

1. Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 10243. Л. 27.
2. *Столыпин П.А.* Нам нужна великая Россия. М., 1990.
3. *Чернышев И.В.* Община после 9 ноября 1906 г. (По анкете Вольного Экономического Общества): в 2 ч. Пг., 1917.
4. *Миронов Б.Н.* Социальная история России (XVIII – начало XX в.). СПб., 2003. Т. 1.
5. *Корелин А.П.* К стабильности через реформы? // Россия в начале XX века: исследования. М., 2002.
6. Труды Редакционной Комиссии по пересмотру законоположений о крестьянах. Т. 1. СПб., 1903.
7. *Ковальченко И.Д.* Столыпинская аграрная реформа (Мифы и реальность) // История СССР. 1991. № 2.
8. П.А. Столыпин: Грани таланта политика: [сб. документов]. М., 2006
9. *Анфимов А.М.* Тень Столыпина над Россией // История СССР. 1992. № 3.
10. *Туманов П.* Некоторое влияние земельных реформ на производительность российского сельского хозяйства в 1905–1913 гг. // Экономика и математические методы. 1991. Т. 27, № 6.
11. *Данилова Л.В., Данилов В.П.* Крестьянская ментальность и община // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.). М., 1996.